

Русская культура и журналистика понесли большую утрату. 15 октября 2018 года на 58-м году жизни в больнице города Дмитрова скоропостижно скончался от тяжёлой болезни выдающийся композитор и журналист Иван Сергеевич Вишневский.

СИВАНОМ СЕРГЕЕВИЧЕМ я знаком сорок лет и полжизни прошёл вместе, будучи его самым давним другом. Когда мы, мальчишками, учились в музыкальном училище, то звали друг друга Борисыч и Сергеич. Все смеялись, но мы с тех пор так и величались до того дня, пока Ваня не ушёл.

Однажды Валентин Распутин побывал на нашем концерте в Рахманиновском зале, где Владимирский хор "Распев" исполнил наши сочинения. После исполнения и успеха, когда мы обнялись на сцене, улыбнулся и сказал: "Больше всего мне понравилось, как вы тепло относитесь друг к другу". Потом посерьёзнел: "Музыка Вишневского — хороша, сильна".

Да, это так. Иван Вишневский — это выдающееся, уникальное дарование.

Когда он поступил заниматься с известному московскому педагогу Владимиру Кириюшину, у которого мы и познакомились перед поступлением в училище весной 1978 года, у него совсем не было координации слуха и голоса. Отлично помню, как он юным — портретно красивым и броским — долбил часами одну и ту же квинту, ища правильный тон, мучительно подтигивая интонацию к верной высоте под присталь-

ному таланту, его композиторской работе — я глубоко в этом уверен.

Работая на радио, он многим помогал, в том числе и мне, часто приглашал быть автором и предоставлял не только творческие эфиры, что было весьма почтенным при тогдашнем культурном уровне радио (ныне совершенно уничтоженном), но и заработок. И делал это всегда бескорыстно. Он вообще не знал мздоимства и хитрости — это был ребёнок, истинный ребёнок с нарастающей открытой душой. Был он прям (порой бесцеремонно), неуживчив, говорил только то, что думал, был независим, горд и с чрезвычайной развитым чувством собственного достоинства (это многим не нравилось), храбр, мог драться, презирал боль, хотя был и не совсем здоров физически (был болен хронической астмой). Мало кто отблагодарил его тогда за эфиры, пропагандировавшие творчество современников. Если что-то нравилось ему в чужих произведениях, он готов был носить с ними и превозносить их на каждом углу и в своём эфире; он был восторжен, когда сталкивался с примерами яркости, оригинальности и таланта — и не только в музыке, вообще — в жизни, восхищался личностями с большой буквы, сам таковой будучи (и ещё какой!). При слушании хорошей музыки он всегда испытывал озноб, словно от холода, даже ёжился, в том числе и когда играл на фортепиано классику.

Он показал с юности огромный интерес к полифони и обрёл органичное стихийное мастерство в ней. У него вообще была очень ясная, математическая го-

оба были патриотичны), торжество классики, культ красивой мелодии в музыке, восторг перед подлинным мастерством. Ваня и в стилистике музыкальной, и в обиходе был оригинален. Если видел в чём-то проявление красоты, таланта — радовался, как ребенок, шурясь от счастья. Никогда никому не завидовал — любому проявлению таланта и красоты у других он только радовался. Радоваться вообще он умел — причём порой какому-то совершенному подаренному пустяку, подаренной фигурке (он коллекционировал фигурки свинок), счастливо рассматривал её и приговаривал: "Ну и гарна же вона... Скажи?"

Помогал людям, которых привлекал, знакомил их, объединял, восхвалил, не опасаясь "высокопарных слов" — и совершенно бескорыстно. Со всеми, кому приближал, активно дружил, таскал с собой в любимый Крым, в любимый лес, давал слушать любимые записи — всё у него было любимое...

Я долгое время набирать у него дома для печати, году в 2005-м, ноты своего сочинения из шести хоров. Оставил ему партитуру, сказал, что приеду недели через две, займусь. Приезжаю — он хитро шурится на меня: "Борисыч, я, честно говоря, не знаю, зачем ты приехал". И ведёт меня за компьютер — а там все мои ноты набраны. Я просто ошелоблен. "Решил немного подкомпоновать твоё зрение и заодно поучиться у тебя, многое мне очень приглянулось". Всё поддерживал меня, близил к музыке, как мог. Знал, что у меня плохое зрение — и сам всё сделал. Двухнедельный ежедневный труд. Кстати, всегда наставлял, поддерживал,

нет". Здесь создал он удивительную ораторию "Наброски драмы из украинской истории" на малоизвестные слова незавершенных произведений Гоголя (в ней есть по меньшей мере два шедевра: "Катерина и Онеиско" и грандиозный марш "Казакки идут!"); всё это пока не исполнено... Здесь он активно занимался народной культурой с выдающимся этномузыковедом Вячеславом Щуровым и стал виртуозным мастером и знатоком фольклора, пропитался им насквозь. В Яхроме он написал свой шедевр — хор "Поезд" на слова Рубцова, с триумфом прозвучавший в Рахманиновском зале в блистательном фортепианном сопровождении Александра Муравьёва и Владимира Довганя, близкого друга Вани. В лучшие времена это была бы музыка века, её взяли бы заставкой к программе "Время".

Яхрома... возрождающийся понемногу, тёплый, сосредоточенно молитвенный внутри огромный храм со знаменитой колокольной, видимой со всей округи за десяток вёрст, свеча под высокими сводами в благовозле большого покойно-тёмного пространства возле всего нескольких поперости икон на старой штукатурке, тихий подмосковный снег и приземистая неторопливость вокруг, старый деревянный дом на пути... Приезды к нему в Яхроме были тогда сплошным наслаждением — Ваня был в ту пору благодушным, восторженно возбуждённым, ему сочинялось, много говорили о Рубцове, Лыве Гумилёве, Свиридове, его любимых скифах и древней истории, которой так болел он... Конечно, вообще о русском, о российской судьбе... Я всегда после работы ждал, когда он виртуозно пожарит грибы, несказанно вкусно, с картошкой и луком, как-то обильно и художественно уложит их на тарелке, и мы за ужином будем с ним и с приехавшей из Москвы Галей беседовать, всё откладывая и откладывая мой выезд к ночной электричке... Здорово это было!

ВОСТОРЖЕННОЕ СЕРДЦЕ

Памяти Ивана ВИШНЕВСКОГО

ным взглядом Кириюшина, разглядевшего в Ване самобытный талант и вдыхавшего в него всю силу. Так — по шесть часов в день. Слух он себе, трудясь беспрерывно и упорно, просто сделал. Музыкой начал заниматься в 16 лет — очень поздно. И за полтора года овладел игрой на фортепиано. Страстно любил музыку, считал её своим призванием с юности, тут его Господь бесспорно позвал. Между прочим, занимался и рок-музыкой, вообще рок высоко ценил, чего не скажешь о джазе и эстрадной музыке. В самых первых сочинениях, ещё в училище, использовал электрогитару.

С юности он был очень образован, читал без конца, книги всегда раскрытые тут и там лежали возле пианино в его комнате в доме на улице Правды; он был вообще очень внимательным и вдумчив в книжном чтении. Общаться с ним было необычайным удовольствием, когда он был в духе, воодушевлён, мечтателен.

Несмотря на аристократическое богатырское сложение, ел он очень мало и был крайне непритворлив в одежде и в быту с юности. Никогда не имел лишних денег, вечно нуждался, экономил. Хотя, казалось бы, отец его был корреспондентом "Правды" в США, мать — поэтессой. Но все "мажорные" блага того времени вроде валютных баров, кафе "Метелица" и модных "сэйшенно" на престижных дачах он категорически отверг, избрав путь служения высокой культуре, классической музыке. Избрал он, таким образом, не путь папенькиного сына, ищущего синекрону, а дорогу огромного труда: в училище труд был очень тяжёлым, там научили не терять жизненного времени зря, боготворить музыку; и ещё, за что особо низкий поклон, быть неравнодушными, любопытными и, как говорил Георгий Васильевич Свиридов, "живыми".

В то время (1978—82 гг.) отделение теории музыки в училище имени Октябрьской революции было местом не только высокопрестижным, но и с исключительными требованиями. Поступить туда было очень трудно. Ваня по окончании училища владел "рабочей азбукой" музыканта: сольфеджио, музлитературой, — буквально акробатически. Окончил Ваня училище, как пианист фортепианным концертом Грига и первыми собственными великолепными сочинениями: например, песнями на слова его матери, Светланы Вишневской, среди которых — шедевр "Самым нежным словом её позвать готов", некоторыми хоровыми вещами. Он много сочинял камерной музыки, вообще был очень плодovit и серьёзен в сочинительстве и пытливы в музыкальной стилистике с первых профессиональных дней. Начиная педагогом в училище по композиции был замечательный человек — композитор Виктор Иванович Егоров, сразу оценивший Ванин талант и очень много ему давший. Ваня приобрёл меня в училище к Римскому-Корсакову, я его — к Петру Ильичу Чайковскому. Ходили мы не разлей вода — Борисыч и Сергеич — всегда вместе, все смеялись вокруг. Он по братски поддерживал меня в учении и в жизни, вообще всегда стоял за меня и за мои труды как друг. С тех пор не могу говорить о нём одном — только о нас вдвоём, это объективно.

После училища мы оба по разным причинам не поступили в консерваторию, зато учились у выдающегося педагога и замечательного композитора, превосходного музыканта Татьяны Алексеевны Чудовой. Она дала Ване очень много. Нас отменил композитор Николай Иванович Пейко, и мы были взяты им в Гнесинку на композииторский, где началась истинно золотая пора жизни и творчества Ивана. Там он создал уже шедевры, впоследствии высоко отмеченные Георгием Свиридовым: три хора на русские народные слова для женского состава (я и Иван дружили тогда с женским камерным хором под управлением Романа Моисеева и Ирины Компанцевой), шесть пьес для скрипки и фортепиано, которые великолепно играла Леонарда Бруштейн, симфонетту для струнных. Во всю силу звазучал его яркий и исключительно самобытный талант, углублённый в почву народной музыки, которую он боготворил с юных лет. Обожаел петь со мной народные песни из хрестоматии фольклора, а иногда и выдумывали мы с ним песни в русском аутентичном стиле и распевали их на два голоса. Уже тогда он нашёл свою уникальную мелодическую интонацию с собственной ладовой завязью, своими мотивами и "клизье". Свиридов отмечал это.

Мы оба женились на девушках из этого хора (причём обе — из одного дома) и почти одновременно. Вместе и жили потом некоторое время в этом доме. Первая жена его, Людмила Юрьевна Пронина (Вишневская), была его большим другом и помощницей, матерью его двоих детей, с ней провёл он счастливые годы молодости, горячо любил её; она долго старалась уберечь его от любых пагуб, но обстоятельства сложились так, что они не смогли остаться мужем и женой.

В период Гнесинки произошли два основных события: он познакомился с Георгием Васильевичем Свиридовым, и меня с ним познакомил, за что я неугасимо благодарен ему на всю жизнь; и Иван стал редактором Всесоюзного радио, что по тем временам было неслыханным жизненным везением. Если первое явилось одной из основ его жизненного и творческого самобретения (мы любили музыку Свиридова восторженно, она была для нас идеалом музыки), то второе, на мой взгляд, оказалось для Вани роковым. Радио с его тяжёлой рутинной и нервозностью помешало его полёт-

лова — при такой-то романтике души. Он был не только хорошим стихийщиком-певцом, но и конструктором в музыке.

Иван сделал первый "День Свиридова" в истории радио в 1988 году, мужественно пропагандировал его музыку, которая в среде снобов от так называемого академического авангарда была скорее опальна.

Тягота радиобдений сильно утомляла его, отвлекала от творчества. Нужно было при этом кормить двоих детей. Большим переживанием для него стало непринятие в Союз композиторов, куда он попытался вступить без чьей-либо протекции. Союз композиторов Москвы решительно не принял его, уже получившего величайшие похвалы от Свиридова и сочинившего произведения, совершенство которых не подвергалось сомнению их слышавших профессионалов. Горячим приверженцем музыки Ивана Вишневского был и выдающийся композитор Борис Чайковский; очень помогал нам в молодые годы и корифей академического жанра Сергей Слонимский, к которому я возил Ваню в Ленинград на электровозе по своим "железнодорожным возможностям". Сергеич вспоминал эти поездки всю жизнь, они были для него очень романтичны и событийны; особенно любил вспоминать он ночные железнодорожные столповые, кипучую ночную жизнь на путях, красоту и поэзию бегущих оней.

Позже Ваня всё же вступил в Союз композиторов, но это был уже совсем не той силы Союз и не тех возможностей.

На радио делал он яркие, интересные программы о волнувавшей его музыке, привлекал аудиторию в том числе и своим своеобразным тембром голоса. Однако вскоре пришёл 1992 год с его бульдозерным ножом по всему живому, и не стало ни Всесоюзного радио, ни закупочной комиссии Союза композиторов, ни той интеллигенции, ни того уровня культуры и уровня восприятия, жизнь опошлосилась, стала, как говорил он про Яхром, "сплошная Каперна" (тёмная деревня в "Альх парусах" Грина). Лихие 90-е проехали этим ножом по всем людям честного труда, и Ваня не был исключением. На глазах гило и "терзалось всё, что дорого", как говорил он. Враз ушли престижность и самый смысл академического композиторского труда, сочинением музыки попросту стало невозможно жить, "ценности" пришли совсем иные. Композитор-академист из суперэлиты враз превратился в какое-то не совсем нужное людям существо. Отрасль искусства, искони задававшая умонострое-ние интеллигенции целых эпох, превратилась в черепки. Конечно, во многом виноват в этом, так сказать, сам жанр, сама среда, оказавшаяся неспособной к сплочённости и жертвенности в трудный час. Но кто тогда оказался к этому способным?. Государство продало достояние Гостелерадиофонда, сделал из него коммерческую лавочку, прекратило поддерживать академическое искусство.

Ваня в 1990-е мужественно предпочёл бедность и откровенность "лакейству перед веком своим", как сказал Андрей Фёфелов, твёрдо остался на своём пути, спокойно, как истинный христианин, терпя тяжёлые болезни, крайнюю нужду, неурядицы, отсутствие нормального жилья; мотался с Галей по квартирам, никогда и ни на что не жалуюсь — включая здоровье. Ни о каком так называемом карьерном росте не могло быть и речи. Ужодать он не умел: на обиду возмущал как порох, не глядя на чины, возрасты и звания.

Но, каким бы ни был, он оставался собой и никогда не прекращал сочинять, выступать, писать статьи, делать передачи, участвовал в основании и работе "Народного радио", где собрал свою аудиторию и стал популярен, не говоря уже о том, скольких музыкантов и других ярких людей он пропагандировал там. Жилось ему трудно — порой впадал в нищету в буквально-ном смысле. Работал одно время таксистом в Яхроме, куда переехал жить из Москвы по семейным причинам (при этом уговаривал разнузданных пассажиров-"капернцев" не ругаться матом при детях, иногда его звали за это "махатьсь") пьяные разнузданные "папочки". Он вообще никогда не боялся никакого труда, был уверенно, по-мужиковски самостоятелен: сам привёз в порядок и обшил деревом свою уютную квартиру в Яхроме, куда забросила его суровая судьба, сам научился водить и ремонтировать машину, сам мог смастерить любое приспособление, сам овладел сложнейшей программой компьютерной нотации, создал дома вполне налаженную студию. В юности Иван работал вместе со мной преподавателем в музыкальной студии завода "Серп и Молот"; младшим продавцом в булочной и ещё каким-то продавцом, всегда в любой работе был сосредоточен, неторопливы, тщателен, упорен. Вообще, это был человек, с которым не хотелось, чтобы кончался день, и замены тому общению никогда и ни с кем не будет, ибо он очень многое знал, был высоко умён, подхватывал мысль на лету. Он был именно "полётно" мне интересен и близок по взглядам. Мне очень тяжело, что его нет. После смерти Свиридова — это второй для меня жизненный пример потери совершенно невозполнимой и безвозвратной, которая отнимет часть жизни. Его присутствие в ней, даже присутствие за скобкой, когда общения и не было (виду его незаметности), было исключительно важно, в каком бы состоянии ни оказывались наши отношения.

У нас было много общего, главным было — верность красноте, нежелание менять это на безобразное, главенство русского, славянского (мы с юности

подсказывал, поправлял — у меня не всё получалось. Он был, конечно, гораздо опытнее и мастеровите меня как композитор.

Ельцинизм он не принял категорически. И боролся со злом как только мог, сделавшись не только журналистом, но и политиком. Ему были полностью чужды обывательщина, пошлость, мещанство — это было несовместимо с ним абсолютно под страхом гибели (которая и последовала именно "от своего века" — этой беспомощной болыньицы, где ничего не способны были сделать, где Галя ходила-покупала лекарства). Его второй женой стала Галина — пример настоящей русской женщины беспримерного мужества и преданности, которая столько раз спасала его от гибели, верная его почитательница, защитница и помощница. Честь и хвала ей, героине, широкой душе, от нашего Отечества, от всех нас! Полагаю, уходу и заботе этого человека, растворённого в Ване, мы обязаны тем, что Иван Сергеевич в яхромскую пору просто дожил пусть и до таких лет. И здесь он был припомилен и бескомпромиссен, и здесь "кричал правду", как думал. Ванины статьи в "ЛГ" и в "Завтра" многим хорошо известны. Тягчайшим горем и разочарованием стали для него, наполовину украинца, события на Украине, им обожаемой, которой посвящал он и музыку (в юности была у него опера "Ярмарка в Голтве" на слова Горького). Злая несправедливая современность была для него образом врага — искореживающего, погубившего его любимое дело, любимые миры, "буквально всё, что близко и дорого". Он уходил в православие, в политику, в политическую журналистику. Но современность всё это мало беспокоило — она менялась в сторону измечпления и опошления. Таких, как он, давила незаметно и равнодушно.

Между тем яхромский период его жизни в целом представляется светлым, полным не только тягот, но и отрад. В Яхроме он обрёл то, что любил не меньше музыки: лес и грибы, в которых разбирался ничуть не хуже профессионального миколога, величал их по-латыни, хотел писать книгу о них (представляю, как заманчива была бы она при его нечитатности и литературном таланте!). Переехав в Яхром, он решительно, с явным даром естествоиспытателя изучал таинские леса и уверенно развезжал на "жигулёнке" за грибами, точно выходя на нужные грибные места. Стихи Рубцова "В лесу" — это лирический гимн Вишневского, недаром он написал хор на эти слова. Тяжко переживал он вымирание леса из-за современного разора и безумия. Грибы ездил собирать до ноября. Один раз я приехал к нему поработать на нотном компьютере, и он заявил, что съездит на касок "по грибам"... А за окошком первого этажа пятитажки шёл уже снег... Я остался в прокуренной квартире — увя, он курил много, научился у меня, жаль (я потом сумел бросить). Привёз через два часа какие-то два ярких красных гриба и раскрасневшийся, довольный, что попыл в лесу, в снежной свежести, которой дивно за-похил от него в доме, радостно сообщил мне по-латыни их названия наставительным голосом, ибо, будучи на три года старше, с юности привык образовывать и воспитывать меня, словно старший брат, во многом как бы и будучи им.

В яхромский период он сочинил великолепные хоровые вещи на народные слова ("Ладные песни") и хоры на стихи Рубцова, столь созвучные тогда его лесному отрезвляющему, примиряющему настроению (чудесно, богато, широко музыку эту великолепно исполнил Владимирский камерный хор "Распев" под управлением Колесниковой). Он написал тут обоих "Лириков" и великолепный, особенно во второй части, мистический, неземной фортепианный концерт, который является воплощением самой бесконечности времени — словно ломоносовское "звездам числа

Он никогда не бросал сочинять, оставаясь музыкантом до последних дней. Восторженно воспринял он создание сообщества современных композиторов группы МОСТ (Музыкального Объединения Современной Традиции). Превосходный Патриарший хор под руководством Ильи Толкачёва исполнил на Рождественском фестивале его прекрасную колядку "А в Иерусалиме"; сделана она действительно как какая-то величественная книга или вдохновенно сложенный храм, с долгой и энергичной мелодией, с патетикой возгласов, с мудростью и красотой вывода, с красочными орнаментами подголосков, с растроганностью отгадки на старину, с невыдуманной широтой образа, далеко превышающей границы жанра, с феноменально точной и щедрой выделкой партитуры. Эта его колядка — просто новое явление в хоровой музыке нашего века, это сочинение могло бы стать одним из гимнов и символов нашей страны. Иван Вишневский — это, конечно, классический хоровой мастер, недаром ряд хоров пел его музыку без всякого припадения, "засывания", дирижеры сами находили ноты в Интернете.

Никогда не сомневался я, что его музыка найдет новое обретение, станет музыкой классика, почитаемой многими неравнодушными людьми.

Что же касалось его политической деятельности, то он выбрал политику, так как в этом видел исполнение своего долга.

Но и тут талант во всём оказался талантом: вышло мощное "вещание" души. Журналистом он получил востребованность; как какой-то грандиозный компьютер, он, работая на "День ТВ" и в "Завтра", делая пару программ в день, перерабатывал самую разнообразную информацию, осмысливал её и преподносил людям ярко, как труба, всегда горя, неравнодушно. Равнодушие, равно как истекающие из него пошлость и скуку, он ненавидел всем сердцем, душа его была беспокойна и пламенна. Это был, вне всякого сомнения, пассионарий. Всё, что он делал, чем и как жил — нравилось оно или нет — было искренним и выражалось неизменно прямо. "Я долго учил себя, Борисыч, выражать людям в глаза, что думаю, невзирая на лица. Это было не просто, но я, по-моему, выучился".

Это был человек с идеалами. Мы вышли из эпохи людей с идеалами.

Он вообще был, при всём своём самополюи, неособенно скромным, невыскательным, очень неприхотливым человеком. Всё, что он хотел, — это чтобы музыку его слышали люди, и справедливо считал, что имеет на это право.

Но всё осталось в нотах, слава Богу. Не сомневался в воскрешении его творчества.

Так хочется увидеться в урочный час с ним на небесах, и такими увидеться, какими были мы когда-то: молодыми, очарованными, вечно вдохновлёнными чем-то, с кладезем доброго и полезного в себе, с всегдашним почитанием прекрасного. В такую пору, когда и сам молод, и ветер, и небо, и листья вокруг тебе молодцы, и рубаха весенняя на тебе вздувается, и молодцы надежды, мечты, поцелуи... Встретиться с тем, прекрасным, всегда озарённым величавым красавцем Ванькой: "Привет, Сергеич!" — "А, вон кто идёт! Здоровеньки булы, Борисыч!" Встретить его любящую, но и строгую улыбку старшего брата. Увидеть его сильные глаза смеющимися, думающими, сочиняющими. Опять попить тот чай из неизменно огромной чашки в той крохотной кухне яхромской, со-брать с ним на поляне и почистить дома за разговором о вечном те грибы.

Вечная память.

Алексей ВУЛЬФОВ

АПОСТРОФ

Юрий ПОЛЯКОВ. Желание быть русским. М.: Книжный мир, 2018. — 448 с.

ПУБЛИЦИСТИКА, как и всё творчество писателя Юрия Михайловича Полякова, — это всегда актуально, ярко и по-хорошему провокационно. Автор не стремится обходить стороной "острые углы" нашей жизни, но, напротив, затачивает их до бритвенной точности — правда, вкладывая, для пущей безопасности, в надёжный футляр метафор.

"Мы, русские, государствообразующий, но явно не эфиротобразующий народ в Отечестве. Почему? Так сложилось. Или так сложились?" "Наши братские республики во главе с РСФСР выпрыгнули из СССР, как проститутки из горящего борделя", "Благодарность в геополитике — это что-то вроде денежной компенсации за объятия белой любви"; "Один радиоведущий объявил слушателям, что он по национальности "москвич". Почему мы с нет, но странно как-то, что эти "москвичи", проворовавшись, скрываются не в чащобах Лосино-го Острова, а в Англии, США или Израиле"; "Гормональные либералы"; "Вместо "Паши-мерседеса" министерство обороны всерьёз собиралось назначить Галину Старовойтову, и уже пошили ей юбку с лампасами"; "В российском правительстве, правда, пока маловато, как говорили прежде, национальных кадров. А "питерский" не запишешь в "пятый пункт", даже если его вернут. Но ещё не вечер..."; "Ложь стала первой и пока единственной по-настоящему успешно приватизированной государственной собственностью"; "Обычная западная практика: сначала безжалостно уничтожить, а потом любовно изучать", — этот список авторских афоризмов можно множить и множить. Но дело, конечно, не в этом.

Данное издание — прежде всего, краткая, но весьма насыщенная энциклопедия проблем межнациональных отношений и внутри России и вокруг её нынешних границ. "Да, я не этнолог, но этнограф, не политолог, не историк, но знаю, иногда литератор замечает или угадывает то, что не способны рассмотреть в свою щель узкие специалисты, то, что не учитывают политики, озабоченные рейтингами и выборами. Главная же мысль, которую я хотел донести до моих читателей, а если повежёт — и до сильных мира сего, проста: от нашего с вами желания быть русскими (не по крови, конечно, а по самоощущению) зависит судьба всей тысячелетней евразийской державы. Имеющий разум — поймёт", — искренне говорит автор.

Дело здесь не в "русском фашизме", "русском шовинизме" или даже "русском национализме" — дело здесь, конечно, в самой России, в государстве Российском, которое сегодня, несмотря ни на что, продолжает уничтожать самое себя, расчищая дорогу в будущее другим этническим и государственным общностям, зачастую — искусственным существам, спелпленным из лишенной собственной этничности "человеческой глины" и должной беспрекословно выполнять команды своих создателей-хозяев...

Сколько представителей "многонационального советского народа", например, на той же Украине после провозглашения "незалежности" начало записываться в "украинцы"?.. А потом из украинцев — в "бандеровцы", прыгнув сразу через несколько "окон Овертона"?! Чем хуже казаки, поморы или сибиряки? Но и этого мало — "глину" хотят сделать уже не человеческой, а "постчеловеческой" (так называемые киборги, системы искусственного интеллекта/"нейросети" и т. д.), а также "трансчеловеческой" (генно-модифицированные организмы), чтобы, перепрафизирова известные слова Гоголя, изначально не было в этих "транс" и "постчеловеках" ни с какой стороны хотя бы крупицы человеческого чувства, чтобы никуда человеческое не могло про-снуться когда-нибудь у них...

Так что же подразумевает сам Юрий Поляков под словами "быть русским"? Где таится оно, голговецкое "родство по душе"? Где оно, "сердечное слово"? Где, в чём их искать, на каком пересечении русского слова и православной традиции? Юрий Поляков говорит об "этно-тике", фактически повторяя академический термин "этнос", означаящую характерную как раз для этносов и субэтнических (в том числе сословных, возрастных и т.д.) групп совокупность ценностных систем и моделей поведения, по которым, как и по речи, множенно происходит опознавание "своей/чужой". Если кто-то и занимается такими проблемами относительно нашей страны и нашего народа на государственном уровне, то явно с целью сначала имитации, потом — подделки и, наконец, замены самих образцов. Причём — в гораздо большей степени всё это идёт из-за рубежа, чем из самой России. Но "перелётная элита" (название предыдущей книги автора) связывает своё будущее и будущее своих детей вовсе не с нашей страной, а с "цивилизovanым миром", куда стремится попасть любой ценой: "хоть тушкой, хоть чучелом". Поэтому медленное убийство русской истории, русской культуры, русского этоса и русского народа с их стороны не прекращается ни на минуту.

И за то, что обо всём этом Юрий Поляков говорит открыто, убедительно и громко, — великая ему благодарность.

Георгий СУДОВЦЕВ

Найдена социальная карта москвича на имя Пивников Ксении Александровны. Обращаться в редакцию или по телефону 8 (916) 502-49-86.